



## Межславянский художественный перевод в изучении славистических дисциплин

[Софья А. Заболотная](#)

В процессе подготовки разносторонне образованных и профессионально компетентных филологов-славистов значительную роль играет как изучение теории и методики перевода с близкородственных языков, так и детальное рассмотрение истории межславянского художественного перевода, непосредственно связанного с литературными контактами и межкультурным взаимодействием славян. Лингвистическое изучение межславянского художественного перевода позволяет выявить коннотационные различия в близкородственных языках (важным показателем в данном случае является ономастикон текста) и показать особенности национальной языковой картины мира для каждого из рассматриваемых языков.

Настоящая работа основана на опыте преподавания славистических дисциплин в Воронежском государственном университете.

Both theory and methodology of literary translation studies, as well as investigation of the history of literary translation on Slavic area, play an important role in the process of schooling the philologists specializing in Slavic philology. The investigation of literary translation from one Slavic language to another in terms of linguistics gives an opportunity to find out the connotation differences in closely-related languages (besides all, onomastic system is treated as one of the key elements of the text) and to show the peculiarities of the national language picture of the world for each of the languages under consideration.

The present work is based on the author's experience of teaching Slavistic subjects at the Voronezh State University.

## История межславянского художественного перевода

Пространство книжного языка славян, как и их литературное пространство, в средние века отличалось относительным единством ([Лихачёв 1979](#): 6; [Турилов 2012](#)). Вследствие того, что южно- и восточнославянские литературные языки долгое время имели общую основу в виде церковнославянского языка, «русский читатель <...> без особенных затруднений мог читать памятники сербской, болгарской, украинской и прочих письменностей, а болгарин, серб, украинец – литературные произведения Московской Руси» ([Берков 1963](#): 15). Н.А. Мещерский отмечает, что «сложившийся в результате деятельности представителей разных славянских народностей и на территории различных славянских стран, древнеславянский письменно-литературный язык в начальную эпоху своего общественного функционирования представлял собою единую и общую фонетическую, грамматическую и лексико-стилистическую систему, понятную для всех носителей славянских наречий. <...> до XIV в. письменные памятники, созданные в Болгарии, на Руси или в Сербии, могли обслуживать весь славянский ареал и при переходе от одного народа к другому не нуждались в переводе. Их адаптация к тем или иным вариантам языка происходила без каких-либо кардинальных видоизменений текста» ([Мещерский 1978](#): 15). Адаптация для прочтения представителями другой славянской нации производилась путём редактирования – как правило, замены лексем с ярко выраженной



спецификой того или иного языка, в том числе на «усреднённую «общецерковнославянскую» лексику» ([Турилов 2012](#): 247); существенным могло быть различие орфографии. В частности, для русско-сербских книжных контактов это было характерно ещё в конце XVIII в. ([Толстой 1988](#): 273).

Формирующиеся лексико-стилистические расхождения между русским и другими славянскими языками фиксировались и комментировались в азбуковниках, где были представлены русские эквиваленты не только для архаичных, но и для инославянских (болгарских, сербских) вариантов слов и оборотов, уже осмысливавшихся как иноязычные; давались лексические соответствия также украинским, белорусским, польским словам ([Ковтун 1989](#): 15). Уже в XIV-XV вв. такие перечни славяно-русских соответствий подтверждали развивающуюся мысль о самостоятельности русского языка, его особенности по отношению к другим славянским языкам ([Ковтун 1989](#): 203). Позднее, в XVI-XVII в., расхождение вариантов литературного славянского языка ознаменовалось появлением характерных для белорусских и украинских регионов книг с параллельным древнеславянским и «западнорусским» текстом. Кроме того, сравнительно часто выполнялись публикации одного и того же текста на польском и «западнорусском» языке, для которых на тот момент графическое различие оставалось основным: «Ряд переводов с польского напоминает местами своеобразную транслитерацию с латиницы в кириллицу, с изменением только некоторых фонетических соответствий и сохранением устойчивых морфологических восточнославянских черт» ([Толстой 1988](#): 63).

Становление межславянского литературного перевода как такового, пришедшее на эпоху Нового времени, неразрывно связано со становлением славянских национальных литератур, которое, в свою очередь, соответствует периоду активного развития государственности и национального самосознания славянских народов. Межславянский перевод развивался в противопоставление переводу с языка культурной экспансии (например, латинского, немецкого для западнославянских народов). К XVII в. в качестве принимающего мог выступать и региональный вариант языка – на тот момент наречия, которые впоследствии сформировали самостоятельные литературные языки (так, Е.Ф. Карский описывает выполненный в этот период перевод с чешского языка на малороссийское наречие ([Карский 1962](#))).

История славяно-славянского литературного перевода может быть детально прослежена уже с начала XVI в. – времени переориентации в направлении перевода, когда он начал закономерно осуществляться не только с языка культурного влияния, но и с языков близкородственных народов, что уже оказалось возможным на соответствующем этапе развития национального литературного языка и национальной культурной идентичности. Среди переводимых в России текстов появлялось всё больше произведений западнославянских авторов – отчасти чешской литературы, преимущественно сочинений на польском языке: «Więc zaczęto <...> tłumaczyć już od samych początków XVI wieku na Litwie i Rusi i szereg tych tłumaczeń łącznie z każdym rokiem» (Brückner). Однако первоначально славянские культуры выступали по отношению друг к другу в значительной мере как посредники в распространении текстов европейской литературы. Так, чешский язык по отношению к русскому выступал как посредник для переводов с немецкого, польский – с латинского, французского языков, и т. д. Через Сербию проник на Русь рыцарский роман о Бове Королевиче, через Чехию – роман о Брунцвике, через Польшу – повесть о Петре Златых Ключей (Семенец) и ряд других рыцарских повестей, сборники новелл, басен и анекдотов (Липатов).

Существенен тот факт, что становление межславянского литературного перевода пришлось на период развития художественности литературы, становления художественной литературы как таковой. По словам Н.И. Толстого, «древнеславянский литературный язык был одним из основных формальных показателей средневековой «синкретической» литературы. Характерно, что его исчезновение происходит почти одновременно с исчезновением самой этой литературы, с переходом её от «синкретизма» к художественности, с исчезновением всего комплекса религиозных, моральных и эстетических представлений, характерных для греко-славянского мира периода X-XVII вв.» ([Толстой 1988](#): 37).



Активное становление и развитие славяно-славянских культурных связей и соответственно литературного перевода, в том числе славяно-русского, пришлось на XVII-XVIII вв. – эпоху интенсивного развития литературного русского языка и его системы стилей (Рогов). Проводившаяся в этот период обширная работа в области двуязычной лексикографии способствовала развитию славяно-славянской переводческой деятельности ([Берков 1958](#): 10). Первые славянские грамматики в этот период также появляются как сопоставительные: среди них «Граматично искажанье об русском езику» Ю. Крижанича. К XVII в. относится деятельность Ю. Крижанича – одного из первых панславистов, который не только стал теоретиком славянской взаимности, но и лично принял участие в деле осмысления культурного единства и самобытности славянских народов (Орехова).

Основным языком, с которого выполнялись переводы в России, на тот момент оставался польский: через центральную Европу, преимущественно Польшу, в России были восприняты сюжеты и образы античной литературы, которая в эпоху классицизма активно переводилась и распространялась во Франции. Польский оставался языком-посредником при проникновении многих произведений западноевропейской литературы Нового времени, а также ряда литературных традиций в Россию. Так, «Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого (1678) создана как русская переработка польского переложения псалмов, выполненного в XVI в. Я. Кохановским; принято считать, что от этого перевода берёт начало традиция поэтического переложения псалмов в русской литературе (Тюленев). Переводились и оригинальные произведения западославянской литературы. По заключению П.Н. Беркова, «в то же время и русская тема в польской литературе продолжает развиваться, а в последней четверти XVIII в. появляются и переводы с русского, которые по мере приближения к началу XIX в. всё более учащаются» ([Берков 1958](#): 14).

Конец XVIII в. – XIX в. стал временем становления самосознания славянских наций в отношении единства славянского мира. Ещё начиная со второй половины XVIII в. в Чехии начинают свою деятельность будители (*národní buditelé*), среди которых были крупнейшие учёные (в том числе Й. Добровский, Ф. Палацкий, сторонники «чешско-словацкой» формы письменного языка П.И. Шафарик, Я. Коллар и др.). Они положили начало движению национального возрождения, которое затем к XIX в. в различных формах распространилось в Словении (М. Похлин, В. Водник, А.Т. Линхарт, Ф. Прешерн, М. Маяр), Словакии (А. Бернолак, Я. Голы, Л. Штур, Й.М. Гурбан), позже в Болгарии (И. Вазов, И. Рылский, братья Д. и К. Миладиновы, Х. Ботев и др.). Деятели национального возрождения выступали одновременно как собиратели и исследователи народного творчества, лексикографы, переводчики: В. Караджич составляет «Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечима», Н. Геров – «Речник на български език с тълкувание речити на български и руски». Тем самым, продолжается развитие славянской лексикографии, как моноязычной, что сопровождает становление национального языка, так и двуязычной. Характерно, что эквиваленты к лексемам национального языка составителями предлагаются, как правило, именно на русском языке, так как политическая и культурная роль России в эпоху национального возрождения славянских народов была чрезвычайно велика, в особенности для балканских славян. Время формирования национальных культур славянских народов было вместе с тем периодом активного обмена духовными и художественными ценностями между славянскими народами – иллюстрируя данный тезис, В.И. Злыднев и А.С. Мыльников приводят в пример дружбу А. Мицкевича и А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко и М. Щепкина, связи В. Караджича с русскими учёными, связи болгарских писателей с русской литературой, «определившие в значительной степени складывание у них реалистического метода в 60-70-х гг. XIX в.» ([Злыднев, Мыльников 1978](#): 7).

В 1826 г. в Чехии возник термин «панславизм» для обозначения идеи славянского единства, распространившейся среди большинства славянских народов и заложенной ещё в XVII в. хорватским просветителем Ю. Крижаничем. В XIX в. теория славянской взаимности стала стимулом для развития межславянских культурных, в том числе литературных связей. Между тем их реальную интенсивность и объём в XIX в. нельзя преувеличивать (см. (Лаптева 2005: 444-445)). Тем не менее внимание к русской культуре, ориентация на неё были существенной отличительной чертой периода национального возрождения, который переживали в этот период народы западных и южных славян. Эти факторы обусловили расцвет славяно-славянского литературного перевода в XIX в. В то же время ряд фактов российского



общественного движения XIX в., наиболее яркие из которых – усиление процесса национальной консолидации и феномен славянофильства, поддержка балканских славян в политических событиях 70-х гг., определил развитие в России интереса к славянским культурам, который был обоюдным. Л.П. Лаптева, между тем в качестве решающего фактора развития интереса к славянским культурам в XIX в. указывает не столько общественно-политический фактор, сколько культурное развитие самой России.

С развитием национальной художественной литературы активное становление переживал и художественный перевод. Однако подход к нему на тот момент существенно отличался от принятого переводческими школами в XX в. и закрепившегося по сей день. Как и в других направлениях перевода, в славяно-славянском художественном переводе активно бытовал приём «склонения на наши нравы», в том числе применительно к ономастикону. Так, К. Гавличек-Боровский перевёл на чешский язык гоголевскую «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» под названием «Повесть о том, как поссорились пан Матоуш с паном Матеем». Главными принципами перевода были провозглашены актуальность и системность («aktuálnost a soustavnost»), причём актуальными считались в том числе те литературные произведения, которые были созданы давно, но соответствовали требованиям современной эпохи ([Levý 1996](#)).

Об интересе к славянским литературам в XIX в. в России свидетельствует тот факт, что практики и проблематики славянского перевода в этот период в своём творчестве коснулись большинство писателей. Как переводчик со славянских языков выступал и А.С. Пушкин. В его переводах из А. Мицкевича («Будрыс и его сыновья»), из южнославянской народной поэзии («Песни западных славян») найден оптимальный баланс между освоением и сохранением национального колорита; обращает на себя внимание тот факт, что А.С. Пушкин в точности воссоздаёт в тексте южнославянские имена героев.

Н.А. Некрасов в заметке о переводах произведений А. Мицкевича, выполненных Н.В. Бергом, отмечал, что трудность перевода «должна увеличиваться родственным сходством языков польского и русского. С близкого по духу языка переводить ещё труднее, – может быть оттого, что ближе, нагляднее чувствуется недостижение подлинника. С итальянского, например, легче переводить иногда, чем с малороссийского. Невероятно, а между тем верно».

Кроме того, литературными переводами со славянских языков в XIX в. в России занимались П.А. Вяземский, К. Рылеев, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, В.Г. Бенедиктов, А.Н. Плещеев, А. Майков, Л. Мей, Д. Минаев, М.Л. Михайлов, А.А. Фет, М.П. Вронченко, Н. Семёнов, В.М. Лавров и др. Как переводчики со славянских языков выступили учёные-филологи: А. Гильфердинг, А.Х. Востоков. Однако, по оценке исследователей, в эту эпоху переводы произведений литератур славянских народов были представлены бессистемно, выбор произведений для перевода зачастую был случаен; отдельные выполненные таким образом переводы объединялись в сборники, антологии.

С первых десятилетий XIX в. начинают появляться переводы русской литературы на славянские языки, ещё не систематические, но относительно регулярные. Это свидетельствует не только о том, что русская литература в тот период приобретала мировое значение, но и о том, что развитие славянских языков и культур уже позволяло выполнить и воспринять перевод художественных произведений. Более того, переводческая деятельность зачастую рассматривалась именно как этап на пути к оригинальному национальному литературному творчеству.

Творчество А.С. Пушкина оставило основу для формирования и развития национальной традиции перевода среди славянских народов. Первым переводчиком А.С. Пушкина в Болгарии стал Й. Груев, затем П. Славейков, на Украине – И. Франко, в Чехии – Ф.Л. Челаковский. В 60-е гг. XIX в. в чешских переводах были известны почти все произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, ряд произведений М.Ю. Лермонтова, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова и др.. Исследователи отмечают: «Можно с полным основанием говорить о том, что в 80-е-90-е годы не было ни одного болгарского писателя, который бы в той или иной степени не испытал благотворного влияния русских реалистов, который бы не



выступил в печати с переводами русских классиков или не писал бы о них статей, очерков. И. Вазов, А. Константинов, К. Величков занимались переводами русских поэтов...» ([Злыднев 1959](#): 153).

Существенным обстоятельством развития культурного пространства славян, а следовательно, и межславянского перевода в этот период стало то, что язык, который ранее имел статус малороссийского наречия, ко второй половине XIX в. – XX веку под влиянием творчества Т.Г. Шевченко и И. Франко сформировал украинский язык, выступающий как самостоятельный язык перевода. Аналогичное изменение произошло в отношении белорусского языка.

В XX в. развитие славяно-славянского литературного перевода получило активное продолжение. Большинство русских поэтов Серебряного века по различным причинам обращались к творчеству южно- и западнославянских авторов и народной поэзии славянских народов: так, поэтические переводы с польского языка выполняли И.А. Бунин, К. Бальмонт, В. Ходасевич, с болгарского, хорватского, белорусского – М. Горький, с польского, сербского и других – А.А. Ахматова, с украинского, чешского и болгарского – М.И. Цветаева, с украинского и чешского – Н.С. Гумилёв, Ф. Сологуб, Н.А. Заболоцкий и т.д. Литературные переводы со славянских языков выполняли ведущие советские поэты (А. Сурков – с болгарского, Д. Кедрин, К. Симонов – с чешского) и переводчики (с болгарского – В. Левик, с польского – М. Живов).

Кроме того, в силу ряда идеологических моментов на протяжении большей части XX века именно славяно-славянское направление перевода для российских переводчиков было фактически одним из наиболее приоритетных. Сложившаяся советская переводческая школа уделяла значительное внимание явлениям литератур близкородственных народов, их популяризации; произведения славянских литератур переводились и издавались в как никогда широких масштабах. В свою очередь, стремительно возросли объёмы переводов произведений русской литературы в славянских странах: так, по данным, приводимым в Болгарии с 1935 по 1941 г. по сравнению с предшествующим десятилетием количество изданных переводов возросло более чем в 4 раза ([Злыднев 1985](#): 144); издаются антологии переводов. Кроме того, практики перевода начали принимать активное участие в исследованиях переводческого процесса: на основе их опыта был создан ряд научных и научно-публицистических работ, основаны периодические и продолжающиеся издания («Тетради переводчика», позже «Мосты», «Мир перевода» и др.). При этом среди прочих бытовала и позиция, в значительной степени отрицающая своеобразие славяно-славянского перевода: так, Д.Е. Факторович отмечает: «Строго говоря, с точки зрения общей теории перевода, специфики в переводе с близких языков нет, если не считать бдительного предупреждения о мнимой лёгкости и тождестве».

В настоящее время основное внимание теоретиков перевода направлено на исследование лингвокультурологических феноменов, связанных с именем собственным, явлений прецедентности. Однако применительно к славянской среде такое исследование представляется невозможным без привлечения данных историко-этимологического анализа, рассмотрения общности лексической базы, истоков межъязыковой омонимии, внутриславянских заимствований и т.д. Историко-сопоставительный подход в славянской ономастике широко проявился в трудах классиков отечественной филологии, многие работы которых посвящены выявлению этимологического родства и семантической общности имён собственных в славянских языках (Е. Болховитинов, А.И. Соболевский, Ф.И. Буслаев и др.). Современные исследователи отмечают важную роль этимологического анализа в реконструкции языковой картины мира и характеристике межъязыковых отношений на славянском пространстве. Кроме того, сопоставительный подход при рассмотрении семантических соответствий в близкородственных языках, по словам Р.Х. Тугушевой, позволяет как выявить особенности коннотативной системы каждого из рассматриваемых языков, так и глубже проникнуть в природу самой коннотации. Ю.А. Бельчиков также подчёркивает роль сопоставительного анализа при исследовании национальной коннотативной системы: «Особенно рельефно <...> ассоциации выявляются при сопоставлении национальных культур или различных социально-исторических ареалов, в частности, на основе анализа переводов художественного произведения на разные языки».





С развитием литературного процесса и научной мысли вопрос о представлении имён собственных в переводе возникал регулярно. Основоположник отечественной филологической науки, М.В. Ломоносов в набросках статьи «О переводе» среди прочих аспектов обращал внимание и на трудности употребления русских антропонимов в переводном тексте: «Как имя и отчество на французский язык трудно перевести», сопоставляя форму обращения в русском и французском языках: «Monsieur. Государь мой Ив. Ив.» (Ломоносов 1952: 768). Суть проблемы, отмеченной учёным, состоит не столько в технических проблемах поиска эквивалента обращения, сколько в расхождении культурного наполнения и ассоциаций, стоящих за каждым из вариантов.

Характерный для литературы до реализма подход к отражению действительности – стремление к передаче не столько явлений самой реальности, сколько идеального представления о ней – сказывался на практике литературного перевода вплоть до середины XIX в. Писатели зачастую выполняли перевод не конкретного произведения, а «стоящего за ним идеала» – вследствие этого допускалось вольное обращение с подлинником, что вносило свои коррективы в практику представления его онимов. На передачу имён оказывала яркое влияние русификаторская тенденция, естественная в общем контексте культуры перевода того времени. В этом отношении показателен пример переводческого творчества И.И. Введенского, В.С. Курочкина; известен выполненный Л. Голенищевым-Кутузовым перевод «Книги снобов» У. Теккерея («Книга мишуры»), который отличает сознательное стремление перенести персонажей в Россию, наделив их предельно экспрессивными именами (среди героев фигурируют лорд Гусь-Накрахмалин, госпожа Пиавица, капитан Тесак Нужда и т.д., а также герои русской литературы: Хлестаковы, Загорецкие, Андрей Иванович Тентетников, Рудин). Именам собственным, как и другим национально-культурным реалиям текста, в переводе, призванном «усовершенствовать» произведение, было свойственно утрачивать национальный колорит, а вместе с ним и значительный пласт ассоциаций: примером одомашнивания личного имени может служить заглавие выполненного Н. Семёновым перевода фрагмента поэмы А. Мицкевича, опубликованного в 1874 г. под названием «Пан Фаддей». Известен своим стремлением к одомашниванию подлинника был Н.Х. Кетчер, в письме к которому В.Г. Белинский обращает внимание на ассоциативную сторону имени собственного и её значение, комментируя выполненный им перевод из Шекспира: «заменя непристойное слово «Катя» благородным словом «Кетти». Впоследствии К.И. Чуковский выражал возмущение переводческой тенденцией к трансплантации национальных реалий, включая ономастические: «Англичанину Джеку или шотландцу Джоку нельзя давать наименование Яша, окрашенное русским (или еврейским) бытовым колоритом». К.И. Чуковский отмечал бытование подобного переноса реалий и в переводе с близкородственного языка, что касалось в том числе русско-украинского перевода, вплоть до замены онима (замена имени Иван на Михайло у М.П. Старицкого).

Следует отметить, что аналогичными приёмами пользовались переводчики во всех славянских культурах: так, в XVIII в. в Сербии герои итальянских комедий в переводе наделялись сербскими именами ([Толстой 1988](#): 293); в Польше ранние переводчики Н. Буало заменяли в его сатирах имена Скюдери и Шаплена именами польских профессоров Краковской академии: Jaśkiewicz, Śniadecki ([Sarnowska-Giefing 1994](#): 78). Для хорватских переводов драматических произведений на рубеже XVIII-XIX вв. был характерен не только аналогичный перенос места действия в хорватские города, но и стремление придать именам собственным ассоциативное наполнение даже в тех случаях, когда оригинал не предполагал этого, что выражалось в переименовании персонажей. А.В. Данилова приводит показательные примеры введения в переводной текст хорватских ассоциативных имён с прозрачной внутренней формой: «Поскольку действующие лица мещанской драмы чётко делились на положительных и отрицательных, на добродетельных и порочных, то этот принцип последовательно проводился и в их именах: на одной стороне оказывались правденичи (от слова «правда», которое означает в хорватском языке не только истину, но и справедливость), поштенчичи (от слова «поштен» – «честный»), добретичи, драговичи, посленовичи (от слова «посао» – «дело», «работа», т. е. трудолюбивый), а на другой – каменяки, честолубичи, черняковичи, лисьяки и им подобные».

Данная тенденция получила продолжение и в XIX в.: так, в болгарском переводе Й. Груева повесть «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина называлась «Сирота Цветана» ([Злыднев 1959](#): 53), а



герой одной из сказок А.С. Пушкина Гвидон Салтанович в чешском переводе превратился в Вита Салтановича ([Кишкин 1968](#): 247). П. Славейков в своём переводе стихотворения А.С. Пушкина «Погасло дневное светило» заменяет образ океана образом Старой Планины, в «Колыбельной» М.Ю. Лермонтова вместо «злой чечен» ставит «злой турок», а «Думы мои» Т.Г. Шевченко заканчивает обращением к Болгарии ([Злыднев 1959](#): 39). Перевод в таких случаях зачастую выступал как форма литературных связей, приобретая форму национальной адаптации, то есть приспособления иностранных произведений к местным национальным условиям и представлениям. Так, Л.С. Кишкин приводит пример из словацкой литературы XIX в.: в выполненном Й. Ференчиком переложении гоголевского «Ревизора» «Петербург стал Веной, Саратов – Прешпорком, Хлестаков превратился в Курина, Осип – в Мишко, Сквозник-Дмухановский – в Подольского, Хлопов – в Небесского и т.д. Действие происходит в Мартине, где и сыграли пьесу в 1871 г. <...> Известные слова Хлестакова – «С Пушкиным на дружеской ноге» в переделке звучали так: «С Колларом и Голым мы как братья» ([Кишкин 1968](#): 253). По наблюдению Л.С. Кишкина, «наиболее широкое распространение такой вид литературной продукции получает в пору становления национальных литератур» ([Кишкин 1968](#): 252).

Лишь в XX в. в переводе окончательно стала преобладать транскрипция имён собственных исходного текста. По установившимся и закреплённым в теоретической литературе правилам, переводчик должен передавать иностранное имя «со всею точностью, доступной для русской фонетики. Что же касается тех имён, относительно которых не установилось традиций, то их надлежит передавать с наибольшей близостью к их подлинной национальной поэтической форме»<sup>1</sup>. Впрочем, не будучи исчерпывающим способом для передачи ассоциативного наполнения смысловых имён, на практике транскрипция дополняется способом частичного перевода, кальки. Поиск оптимального баланса между данными способами представления онимов осмыслен самими переводчиками как одна из ключевых задач в работе над художественным произведением ([Галь 2001](#)).

Воронежская ономастическая школа

Имена собственные – как демонстрация расхождений не только формальных (фонетических, морфемных), но и семантических (коннотация) – влияние окружения, других культур

Концентрированная коннотация

Методика

Параллельное чтение текстов

Чтение известных, прецедентных текстов. В особенности освоенных

Как по-другому идёт процесс освоения текста языком и культурой

Стилистические различия – они тоже сказываются на восприятии (как Чолич ничего не понял и передал нейтрально-книжным языком )

В переводе Милана Чолича фразы, переданные в оригинале на украинском языке, переведены на сербский литературный язык так же, как и все остальные реплики, без дополнительных указаний на язык высказывания, за счёт чего дополнительное стилистическое различие между ними утрачено.

оригинал

сербский перевод

Що ж я зроблю? Усе дорого, – ответила сирена, – кажут на базаре, будэ и сто.

Шта да радим? Све је скупо ... кажу на пијаци да ће бити и сто.

Офицерня уси сани угнала на Пост.



оригинал

сербский перевод

Офицерчине су санке одвукли у Пост.

Уси побиглы до Петлюры.

Побегли су код Петљуре.

Шо ж вы, добродию, не знаете? Це  
полковник Болботун.

Шта, зар не знате? То је пуковник Болботун.

Национално специфическое украинское обращение Хлопчики... хлопчики... в сербском тексте передано как нейтральное момци 'парни'.

Для сравнения, в чешском (пер. Алены Моравковой):

оригинал

чешский перевод

Уси побиглы до Петлюры.

Všetci tašli – k Petľurovi.

(глагольная форма tašli употреблена вместо литературного utiekli 'сбежали').

Разносторонний взгляд на исторические события, включая взгляд третьей стороны (как Чолич глядит на украинцев и нас)

Разносторонний взгляд на культуры, при котором невозможно поддержание конфликтов – воспитательная роль

Но это при условии доступности славянских языков в учебном плане

Теория и практика перевода справедливо уделяет всё большее внимание понятию культуры исходного текста, культуры перевода: «переводчики нового поколения в большей степени, чем прежде, концентрируются на достижении *взаимопонимания* в области культур, эффективного культурного диалога» ([Тимко 2010](#): 61). Исследователями признано, что слова, несущие этнокультурную информацию (так называемые этнокультуремы), составляют тот слой языка, который при переводе выступает как базис. При переводе социокультурная составляющая в значении имени собственного актуализируется. Однако несмотря на распространённость исследований в области соотношения языка и культуры, такой ёмкий в отношении культурного содержания элемент, как собственные имена, в работах по лингвокультурологии, как правило, не получает последовательного освещения. Недостаточное внимание уделяется собственным именам в учебных пособиях по межкультурной коммуникации, лингвострановедению и лингвокультурологии. Между тем для освещения данной проблемы необходим «разноуровневый анализ, отражающий многоаспектность процесса перевода».

Таким образом, актуальность настоящей работы определяется растущей интенсивностью процессов межкультурной коммуникации, когда для адекватной рецепции текста необходима максимально эквивалентная передача его смыслов, в особенности когда речь идёт о художественном произведении. В последнее время бытует мнение о том, что частичная утрата семантического наполнения при переводе не только неизбежна, но и необходима, в частности, в порядке адаптации текста для восприятия читателем с иным кругом фоновых знаний и стереотипных представлений ([Горина, Милостивая 2010](#)). Однако традиционной среди практиков и теоретиков перевода остаётся позиция, предполагающая максимальное сохранение содержания или экспрессивного эффекта подлинника в переводе. При этом значительное внимание должно быть уделено передаче смыслового наполнения имён собственных, которые в тексте являются семантическими доминантами. По словам В.Н. Скибо, «важно установление межъязыковых соответствий на уровне культурного компонента, который имеет многоаспектную структуру, включающую не только элементы, создающие





культурно-исторический фон, но и особенности видения мира автором переводимого текста <...>, переводчиком и читателем перевода».

Необходимо отметить, что в современном переводоведении существует ряд признанных тенденций в отношении исследуемого материала. Так, перевод прозы исследуют реже, чем перевод поэзии, притом что первый представляется более сложной задачей. Невозможно не отметить тот факт, что материалом для современных исследований, рассматривающих *potina propria* в переводе, зачастую становятся литературные произведения жанра фэнтези, детская литература и т.п. Нет сомнения в том, что подобные работы имеют дело с популярными, востребованными на настоящий момент текстами и уже потому представляются актуальными. Однако произведения классической русской литературы являют собой намного более содержательный источник исследовательского материала, в особенности если речь идёт об именах собственных во всём богатстве их национально-культурных смыслов. Кроме того, поэтика классических произведений отечественной литературы не была обусловлена коммерческими требованиями книгоиздания (на коммерческие предпосылки разработки ономастикона в оригинале и переводе, говоря о современном мировом, преимущественно англоязычном информационном пространстве и книжном рынке, обратил внимание на XLII Международной филологической конференции СПбГУ проф. В.И. Шадрин (14 марта 2013 г.).

Интерес к русской литературе в славянских странах в настоящее время сохраняется; её произведения по-прежнему являются предметом научных исследований, учебных курсов, прецедентными культурными феноменами. Д. Ристески говорит о повторной волне интереса к русской литературе на славянском пространстве Балкан.

Результаты исследований в области литературной ономастики способны обогатить новыми смыслами, сделать интересным, живым и плодотворным школьные и вузовские занятия по литературе; научные исследования в сфере литературной ономастики составляют важный результат исследовательской деятельности воронежской ономастической школы. Настоящая работа не преследует цели выявить истоки и детально проанализировать семантику ономастикона произведений М.А. Булгакова, так как представителями воронежской ономастической школы эти вопросы уже были детально рассмотрены ([Устьянцева 2002](#) и др.). Важную роль при осмыслении места творчества М.А. Булгакова в славянском культурном контексте сыграли работы исследователей творчества писателя, в особенности те из них, которые посвящены ономастикону его произведений ([Устьянцева 2002](#)). Настоящая работа посвящена установлению переводческих соответствий между единицами ономастической системы оригинального и переводного текстов. Поскольку эти единицы являются именами конкретных персонажей, то есть принципиальной частью устойчивых литературных образов, то в данном случае, по классификации В.Н. Комиссарова ([Комиссаров 1990](#)), речь идёт о постоянных переводческих соответствиях. В текстах переводов встречаются и вызванные различными причинами технические и смысловые ошибки, информационные «шумы», которые также принимаются во внимание при проведении исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что оно выявляет закономерности применения различных переводческих стратегий при передаче имён собственных и их значений в процессе перевода с русского на другой славянский язык. Системное теоретическое рассмотрение процесса передачи онимов в переводе сопровождается анализом их ассоциативно-коннотативной сферы. Выводы, сделанные в результате настоящего исследования, способны составить основу для дальнейшего теоретического исследования в области ономастического направления переводоведения. Данная работа предполагает перспективы, связанные с изучением коннотативного наполнения имён собственных в творчестве конкретного автора, в сопоставлении конкретных славянских культур. Сопоставление нескольких вариантов перевода одного и того же литературного произведения демонстрирует изменение подхода к переводу с течением времени, различия в авторском стиле переводчиков.



## Цитированная литература

[Берков, П.Н.](#), 1963. [Проблемы современной текстологии.](#) — «Вопр. лит.», 1963, № 12, с. .  
*Вопросы литературы*, 12, pp.78-95.

[Галь, Н.](#), 2001. [Слово живое и мертвое : От "Маленького принца" до "Корабля дураков"](#) 5-е изд., доп.th ed., Москва: Международные отношения.

[Горина, В.](#) & [Милостивая, А.](#), 2010. [Семантическая компрессия культуронимов в немецком переводе романа М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита" как следствие различий национальных менталитетов русских и немцев.](#) In *Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов.* Санкт-Петербург: СПбГУ, pp. 157-162.

[Злыднев, В.И.](#), 1959. [Очерки истории болгарской литературы XIX-XX веков](#), Москва: Академия наук СССР.

[Злыднев, В.И.](#) & [А.С. М.](#), 1978. [Общие закономерности и особенности историко-культурного развития славянских народов XVIII в.-70-х годов XIX в.](#) In *Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII-XIX вв.* Москва: Наука, pp. .8-23.

[Карский, Е.](#), 1962. [Труды по белорусскому и другим славянским языкам](#), Москва: Академия наук СССР.

[Кишкин, Л.С.](#), 1968. [Проблема национального образного мышления и методология изучения межславянских связей.](#) In *Славянские литературы : VI междунар. съезд славистов. (Прага, авг. 1968) : Доклады советской делегации.* Москва: Наука, pp. 244-263.

[Ковтун, Л.С.](#), 1989. [Азбуковники XVI -XVII вв. : Старшая разновидность](#), Ленинград: Наука.

[Комиссаров, В.Н.](#), 1990. [Теория перевода : Лингвистические аспекты](#), Москва: Высшая школа.

[Лихачев, Д.](#), 1979. [Поэтика древнерусской литературы](#) 3-е изд., доп.rd ed., Москва: Наука.

[Толстой, Н.И.](#), 1988. [История и структура славянских литературных языков](#), Москва: Наука.

[Мещерский, Н.А.](#), 1978. [Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности XI-XIV вв.](#), Ленинград: ЛГУ.

[Тимко, Н.В.](#), 2010. [К вопросу о передаче культурной специфики текста в переводе.](#) *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 1, pp.61-66.

[Турилов, А.А.](#), 2012. [Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян : этюды и характеристики](#), Москва: Знак издатель А. Кошелев.



[Устьянцева, О.Ю.](#), 2002. [Антропонимия прозы М.А.Булгакова \(на материале романов "Белая гвардия", "Театральный роман", "Мастер и Маргарита"\)](#). Воронеж: Воронежский государственный университет.

[Levý, J.](#), 1996. [České teorie překladu : vývoj překladatelských teorií a metod v české literatuře](#) 2nd ed., Praha: Ivo Železný.

[Sarnowska-Giefing, I.](#), 1994. [Onomastyka w oświeceniowych przeróbkach i przekładach satyr Mikołaja Boileau](#). *Poznańskie Studia Polonistyczne*, 1,(XXI), pp.75-84.

**Этикеты:** [Лингвистика](#)  
[литературоведение](#)  
[художественный перевод](#)  
[славянские языки](#)  
[методика преподавания](#)  
[стилистика текста](#)  
[имя собственное](#)  
[хронотоп](#)  
[Linguistics](#)  
[literature studies](#)  
[literary translation](#)  
[Slavic languages](#)  
[teaching methodology](#)  
[text stylistics](#)  
[proper name](#)  
[chronotope](#)

**Година:** 2015

**Том:** 12

**Книжка:** 3-4

**Рубрика в списание Littera et Lingua:** [Езикова политика и образование](#)

**Дата на публикация:** 07.01.2017

Share to: [Delicious](#) [Digg](#) [Facebook](#) [Google](#)

[Plus](#) [LinkedIn](#) [Myspace](#) [Orkut](#) [Reddit](#) [StumbleUpon](#) [Twitter](#) [Yahoo](#)

**Source URL:** <https://naum.slav.uni-sofia.bg/en/lilijournal/2015/12/3-4/szabolotnaja>